

УДК 94(470.6)
ББК 63.3(235.7)
Ш 52

Э.А. Шеуджен,

доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории, историографии, теории и методологии истории Адыгейского государственного университета, г. Майкоп, тел.: 8(8772) 52-12-36, e-mail: emil.scheujen2013@yandex.ru

Р.А. Тлепцок,

доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории, историографии, теории и методологии истории Адыгейского государственного университета, г. Майкоп, тел.: 8(8772) 51-64-17, e-mail: bum102@yandex.ru

Н.А. Почешхов,

доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории, историографии, теории и методологии истории Адыгейского государственного университета, г. Майкоп, тел.: 8(8772) 52-05-59, e-mail: bases11@yandex.ru

КАВКАЗ В АДЫГСКОЙ СИМВОЛИКЕ

(Рецензирована)

Аннотация. В статье впервые системно рассматриваются Кавказские горы как знаковый маркер, влияющий на массовое сознание адыгов.

Ключевые слова: Кавказ, адыги, природная среда, адаптация, мифологические представления, символы, знаковые системы.

E.A. Sheudzhen,

Doctor of History, Professor, Department of Russian history, historiography, theory and methodology of the history of the Adyghe State University, Maikop, ph.: 8 (8772) 52-12-36, e-mail: emil.scheujen2013@yandex.ru

R.A. Tleptsok,

Doctor of History, Professor, Department of Russian history, historiography, theory and methodology of the history of the Adyghe State University, Maikop, ph.: 8 (8772) 51-64-17, e-mail: bum102@yandex.ru

N.A. Pocheshkhov,

Doctor of History, Professor, Department of Russian history, historiography, theory and methodology of the history of the Adyghe State University, Maikop, ph.: 8 (8772) 52-05-59, e-mail: bases11@yandex.ru

THE CAUCASUS IN ADYGHEAN SYMBOLICS

Abstract. In this paper, for the first time the Caucasus Mountains were systematically examined as a landmark marker influencing the mass consciousness of the Circassians.

Keywords: the Caucasus, Circassians, natural environment, adaptation, mythological ideas, symbols, landmark systems.

Процессы, происходящие в современном историческом кавказоведении, усиливают рефлексивность научного сообщества по поводу традиционности исследовательской проблематики, однотипности при-

влекаемых источников, методов и приемов их анализа. Все более осознается необходимость перемещения внимания в сферу новационных направлений исторического знания. В известном смысле новой исследовательской территорией исторической науки становится историческая антропология, позволяющая уяснить своеобразие конструкций, в которые народы «облекают свой ежедневный жизненный опыт», тех формул, с помощью которых они пытаются объяснить, что с ними происходит [1; 22]. В этом смысле символы как условные знаки явлений и понятий представляют древнейшую, концентрированную форму выражения культурных ценностей, конкретное воплощение идей и представлений, которыми жили и, в определенной степени, продолжают жить люди. В российской историографии сложился значимый опыт обращения к истории и теории символов [2]. Однако, насколько известно, целостный анализ адыгской символики как знаковой системы не проводился, несмотря на то, что именно символы, учитывая отсутствие фактически до XX века письменности, в знаковой форме отражали восприятие окружающего мира и самоощущение народов.

Общим символическим знаком для народов региона стали Кавказские горы. По мнению Фрэнсис Йейтс, известной английской исследовательницы историко-культурных процессов, в традиции народов происходит заслуживающая внимания аранжировка мест и образов. Места, оставившие глубокую печать в душе людей, приобретали устойчивый знаковый смысл [3]. Закрепление в исторической памяти такого географического понятия, как «Кавказ», стало своеобразным «местом памяти», до настоящего времени объединяющим различные этносы региона («горцы Кавказа», «кавказцы», «горцы»). Кавказские горы играли священную роль, окутывая все вокруг

величием и таинственностью. Древнее знакомство с Кавказом породило множество легендарных и космогонических фантазий в представлениях древних людей. Зримо ощутимые, остающиеся недоступными, в то же время со страстной силой манящие к себе, вершины Кавказа казались воображению народов «престолами» грозных божеств, откуда небесные силы посылали свои карающие молнии, живительный свет и тепло солнечных лучей [4].

Об особом сакральном отношении к горам свидетельствуют названия, закрепившиеся в адыгских преданиях: «гора блаженных», «трон Властителя вселенной и царя духов» [5; 101]. Благодаря бытующим сказаниям в сознании народа сформировался романтизированный образ горных снежных вершин, «упирающихся в небо»: снежные бури, льды, нетающие снега «покрывают, как будто саваном, скалы и поляны» [6; 38]. При солнечном свете «гора гор» Эльбрус загорается розовым отливом, а «с замиранием дня меркнет фиолетовым оттенком, сливаясь с лазурью вечного неба» [6; 40]. Подобные образы таинственной красоты и величия «мира Кавказа» будоражили воображение романтизированных поэтов и находили отражение в массовом сознании.

На горе решались вопросы жизни и смерти, проводились состязания в силе, ловкости, красноречии. Именно здесь обитали мифические герои. Об этом свидетельствует родство сюжетных линий адыгского эпоса с древнегреческой мифологией. Ярким примером в этом плане служат образы Прометея из греческой мифологии и Насренжаке из нартского эпоса. Миф о Прометее широко известен. Подобный сюжет вошел в нартское сказание «Как Батараз освободил Насрена, прикованного к вершине горы» за аналогичное деяние – возвращение нартам похищенного огня.

*«Понесешь сегодня кару, непокорный, –
На вершине горной закую тебя.
На горе высокой будешь одиноко
Жить до самой смерти пленником моим»*
[7; 283].

В этом смысле величие гор воспринималось как знак устойчивости мира, общности исторического прошлого, запечатленного в устной традиции. Хан-Гирей, один из первых адыгских историков, размышляя о трудностях реконструкции древней истории, поставил вопрос о возможности принятия, как научной гипотезы, мнения о связи древних преданий адыгов с «баснословными событиями классической земли», героическими временами Греции [8; 54–55].

Знаковой доминантой этой территории воспринимались Кавказские горы, как отмечал Страбон, «самые отдаленные» из известных в то время людям» [9; 192], «выдвинувшиеся громадной стеной от одного моря до другого» [9; 24]. Народам, обитавшим на огромных просторах евразийских степей, нельзя было миновать Кавказ, нельзя было его не заметить. С античных времен существовало представление о Кавказе как едином пространстве – таинственной «Стране гор», занимающей громадную площадь и вмещающей многие «царства и народы». «Много разных племен обитает на Кавказе», – писал еще в V веке до нашей эры Геродот [9; 20].

С Кавказскими горами связаны наиболее ранние представления об особенностях организации географического пространства. Горы воспринимались как основной, уже закрепившийся в сознании, «центр» при описании территории обитания народов или направлений миграций: «народ у Кавказа», «у подножия Кавказа», «границит с Кавказским хребтом», «области к северу от Кавказа», «Кавказские горы справа», «слева от Кавказа» [9; 14-17, 19-20, 22, 27, 88]. Кавказ представлял собой громадную естественную преграду на пути бесконечных миграций племен из Азии

в Европу, с востока на запад, с юга на север.

Антропологический подход, при всей широте применяемости к разному кругу проблем истории, в первую очередь, ориентирован на изучение антропологического типа изучаемых народов, их расовой принадлежности. В XIX веке широкую известность получили работы немецкого антрополога Иоганна Фридриха Блюменбаха по сравнительной анатомии и естественной истории человека. На основе краниометрических исследований он разделил человеческие разновидности на пять рас, первой назвав Кавказскую, белую расу.

Имеет смысл отметить, что с середины XIX века антропологи самых различных стран, исследуя проблемы научной антропологической классификации, оперируют понятиями «кавказская раса» или «кавказцы» [10]. При этом черкесы и грузины, как архаичные носители базовых признаков, привлекали особое внимание исследователей, более того – вошли в систему философских размышлений. Так, Георг Гегель, обращаясь к проблеме антропогенеза, утверждал, что «прогресс осуществляется только благодаря кавказской расе» [11; 71–73].

Это извлечение часто приводится в исследованиях по истории кавказских народов и трактуется как признание их особой значимости. При этом не учитывается, что попытки ученых, пытавшихся доказать, что физические характеристики (цвет кожи, черепной профиль и т. п.) коррелированы с определенными умственными способностями, не нашли в дальнейшем научного подтверждения. Несмотря на эти экстравагантные, а зачастую – и опасные, идеи, в современной антропологии в зависимости от принципов классификации и наличия соответствующих данных существует значительное число вариантов расовой классификации народов, закрепивших представление о народах Кавказа.

В связи с постановкой данной проблемы имеет смысл отметить, что даже в XIX веке не только на бытовом уровне, но даже в официальных документах все местные народы Северо-Западного Кавказа назывались «черкесами» [12; 152]. В связи с этим М.Я. Ольшевский задает вопрос, сохраняющий и сегодня свое значение: «Отчего же мы, русские, все население Кавказского хребта принимали за один народ?» [12; 478]. Антропологический тип, физические качества черкесов вызывали неизменный интерес у путешественников, этнографов, антропологов. В наиболее обобщенном виде отношение к данному вопросу нашло отражение в работе известного немецкого философа и антрополога Иоганна Готфрида Гердера. В частности, его внимание привлекли области, где живут «изящно сложенные народы»: «Здесь – Черкесия, родина красоты» [13; 150]. Более того, он был убежден, что черкешенки «облагородили кровь» народов, расположенных «под боком у прекрасно сложенных» черкесов, благодаря этому «постепенно образовался такой тип, который соединяет в себе достоинство и красоту» [13; 150]. Почти во всех работах описывался антропологический тип черкесов: красивого народа, с тонкими чертами лица, выразительными умными глазами, стройными, подвижными и сильными фигурами.

В дошедших до нас исторических источниках сохранились многочисленные описания внешности черкесов, сделанные в разное время людьми, принадлежавшими к разным народам и культурам. Так, швейцарский путешественник, археолог и историк Фредерик Дюбуа де Монперэ (30-е гг. XIX в.), впадая чуть ли не в религиозный экстаз, писал: «Если бы я с большей смелостью мог судить о путях провидения, я подумал бы, что его намерением было воссоздать, обновить другие вырождающиеся расы сме-

шением их с прекрасной черкесской нацией. Но не нам измерить всю глубину высшего разума» [14; 48].

Одно из наиболее пространных антропологических описаний черкесов сохранилось в записях Эдмунда Спенсера, совершившего два путешествия в Черкесию (30-е гг. XIX в.), в ходе которых он побывал во многих районах Натухая, Шапсугии, Убыхии, Абадзехии, Темиргоя. Под влиянием достижений современной ему сравнительной анатомии он отмечает, что черкесы «имели честь» дать свое название (кавказская раса) всему населению Европы (за исключением финов и лапландцев). «...И, действительно, рассматривая жителей Кавказа, мы должны признать превосходство их внешнего облика над огромной массой европейцев, мы вынуждены прийти к убеждению, что мы – их потомки, происшедшие от одного рода...» [15; 120].

Описывая внешний облик черкесов, он отмечал, что «красота черт и симметрия фигуры, которыми отличен этот народ – не фантазия; некоторые из прекраснейших статуй древности не являют в своих пропорциях большего совершенства». «Общий контур лица натухайца [16], совершенно классический, представляющий в профиль ту изысканно мягко вьющуюся линию, считаемую знатоками идеалом красоты. Их большие темные глаза, обычно темно-голубые, прикрытые длинными ресницами, были бы прекраснейшими из всех, которые я когда-либо видел, если бы не выражение дикой жестокости, которое сильно поразило меня, когда я впервые прибыл в Черкесию...» [17; 35, 66].

Для европейцев знакомство с адыгским обществом во многом стало откровением: фактически был открыт новый мир. Вызывала восхищение не только сказочно прекрасная природа, но и органичная жизнь народа в этой самобытной среде. Вне всякого сомнения, этот

вопрос, при научном подходе к его решению, может стать важнейшим импульсом для эпистемологического прорыва в кавказоведении. В частности, Клиффорд Гирц обращает внимание на фундаментальные открытия, сделанные в XX столетии в эволюционной антропологии и еще не вполне осмысленные до сих пор. Он подчеркивает, что необходимо отказаться «от взгляда на характер отношений между физической эволюцией и культурным развитием как на последовательный процесс» и признать этот процесс «совмещением или взаимодействием» [18].

Получение новой фактографической информации о генофонде населения Кавказа, обобщение накопленных данных, комплексный анализ генофонда народов Кавказа как сложной популяционной системы, способно расширить существующие знания и привести к принципиально значимой корректировке сложившихся в исторической науке представлений о происхождении народов, их генетическом сходстве и различии, о направленности древних миграционных потоков. Более того, генетическое изучение народов Северо-Западного Кавказа позволяет выявить исторические пласты взаимосвязи генофондов Кавказа, Европы и Юго-Западной Азии.

С Кавказскими горами органично связана проблема этногенеза. Принято считать, что месторазвитием народов становились территории взаимодействия двух или более ландшафтов. Северный Кавказа – один из таких районов мира: почти по всей его территории сочетаются степь, лесостепь, лесные холмистые предгорья, обширные горные долины и нагорные плато, субальпийские и альпийские луга, скалистые горы, покрытые снегом и ледниками. В отношении благоприятных условий для поселений местность делилась на горную, среднюю и низовую. При этом в горах веками складывалась традиционная «горная жизнь» [19].

Северный Кавказ относится к относительно богатой горной территории, исторически освоенной благодаря естественным ресурсам (вода, почва, растения, животные и другие компоненты природы). Накопленный адыгами опыт представлял уникальную модель освоения жизненного пространства. В рамках единого хозяйственного комплекса они веками осваивали не только значительные лесостепные и степные территории, но и долины, предгорья, леса, высокогорные луга.

Несмотря на то, что в традиционной системе хозяйства земледелие занимало важное место, черкесы весьма рационально использовали естественные пастбища в различных высотных поясах, что позволяло успешно решать продовольственную проблему, противостоять таким явлениям, как природные бедствия, засухи, эпидемии, ставившие жизнь людей на грань жизни и смерти. Более того, несмотря на то, что из века в век многочисленные завоеватели опустошали эту территорию, подрывая земледельческую культуру местных жителей, народы вновь и вновь не только восстанавливали, но и совершенствовали хозяйственный опыт.

Природа разделила Кавказ на три характеристичные части: Предкавказье, Кавказ и Закавказье. Именно в этом «разделенном» территориальном пространстве формировалась своеобразная система общественных отношений, закреплялся коллективный опыт хозяйственного освоения благодатной суровой земли. Конечно, особенности природных условий, различного рода «угрожающие» явления с древнейших времен оказывали определяющее влияние на ход исторической жизни народов. Жизнь в горной местности более опасна и трудна, чем на равнинах, в основном, жители могут рассчитывать на внутренние ресурсы и помощь сородичей. Более того, благодаря природной

перспективе горцы «смотрят на мир сверху вниз» [20; 336].

Территория, освоенная черкесами, несмотря на свою «гористость», на обозримом временном пространстве не была отделена от мира. Причем не только благодаря географическому положению, но и мобильности мужской части населения, всегда готовой к многотрудным, продолжительным походам за пределы «своей» земли. Как свидетельствует адыгский героический эпос, уже нарты стремились «раздвинуть» границы видения мира, совершая походы с единственной целью дойти до неизведанных земель.

Кавказские горы формировали не только среду обитания, но и оказывали влияние на внешний вид черкесов, одежду, способность преодолевать горные территории. Так известно, что в горах происходит резкая смена температур, что предопределило функциональную значимость бурки, которую некоторые европейцы называли «лохматый плащ». Бурка была незаменимой в военно-походных условиях – исключительно теплая и непромокаемая, она позволяла ночевать даже в снегу, а будучи наброшенной на нижние ветви дерева или вбитые в землю колья, легко превращалась в палатку.

Не менее типологичной была знаменитая черкесская обувь: изготовленная вручную, плотно облегаящая ногу, не имеющая жесткой подошвы, позволяющая бесшумно ходить и успешно преодолевать самые непроходимые горные перевалы. Особенности горного ландшафта оказали влияние и на цветовую гамму черкесского костюма. В традиционном комплексе черкесского мужского национального костюма все ткани – однотонные и очень редко использовалось одновременно более трех цветов. Черкесы не терпели в одежде ничего яркого, пестрого, вычурного. Более того, тона походной одежды, серо-коричневые, необыкновенно органично слива-

лись с горным пейзажем. Одежда, веками сложившаяся, была не только функциональной, но и являлась предметом гордости: умение носить черкесскую одежду подразумевало способность достойно держать себя, имея в виду поведенческий аспект. Сам факт пристрастия к черкесской одежде не только офицеров и казаков говорит о ее рациональности применительно к условиям военных действий на Кавказе.

В годы Кавказской войны проявилось типичное для горских народов явление: непоколебимая уверенность в спасительной силе родных гор, способных стать надежной преградой на пути любого захватчика. Во многом это настроение характерно и для других народов горных регионов — теория рефугиума (refugium), убежища. Все история горцев Кавказа свидетельствует о том, что народы не столько «переживали» неблагоприятные периоды истории, находя «убежище» в горах, сколько стремились жить именно в этом пространстве земли, «выработав» в процессе исторического развития в сложных природно-географических условиях своеобразные формы хозяйственного быта, социального строя, общественных отношений и культуры.

Горький опыт Кавказской войны, учитывая технические возможности противника, показал условность подобных представлений. Все более остро ощущалось несоответствие спокойствию долин и таинственной тишине гор массивов артиллерийских обстрелов, «так быстро и страшно прервавших это спокойствие» [21; 72]. При этом нельзя не отметить, что горы воспринимались русскими, привыкшими к бескрайним степным просторам как территория, враждебная цивилизации, внушавшая панический страх. Даже мелодичный концерт соловьев, дополняемый лягушками и шакалами, чье кваканье и вой беспрестанно неслись из леса и раздавались ото-

всюду, становясь угрожающе громкими, вызывал опасение страшного нападения [21; 56].

Если в первые годы многие офицеры «мечтали» о командировке на Кавказ как способе избавиться от надоевшей бесцветной жизни, возможности «подышать на просторе более свежим воздухом, увидеть иные, кроме петербургских, местности и, в особенности, ознакомиться с настоящей военной службой» [22; 191], то очень скоро пришло осознание того, что реалии войны далеки от романтических представлений: Кавказ – «другой мир, область ужасов» [23; 33], «край забвений» [24; 33], куда попадали в приказном порядке, а иногда и в наказание.

Время от времени посылались войска, которые «в малознакомой и труднопроходимой стране» не добивались каких-либо существенных результатов. Более того, эти «посредственные усилия» ничуть не пугали людей, которые считают себя непобедимыми в своих горах» [25; 22]. Десятилетиями массовое сопротивление горцев поддерживалось не только военно-стратегической энергией, но и обстоятельствами, лежащими в сфере традиционных представлений, определявших структуру коллективного сознания. Прежде всего, героизацией исторического прошлого, признанием свободы высшей ценностью, представлениями о мужском долге, презрением к смерти и уверенности, что каждого погибшего в бою ждет достойная тризна, а его воинский подвиг останется в памяти потомков.

Серьезного внимания требует динамичное состояние понятийно-категориального аппарата, кодирующего изменения в истории народов Северного Кавказа и массовом сознании российского общества. В частности, даже такие, казалось бы, нейтральные, дефиниции как «горец», «кавказец» по-разному интерпретировались в прошлом и используются современными авторами.

Еще более сложно определиться с

содержанием понятий, перегруженных коннотациями: «дикие народы», «отсталые народы», «хищники» и т.п. [26]. В работах XIX века, заложивших основы российского кавказоведения, часто используется термин «хищничество» и его производные. «Кавказские горцы, – писал Н.Я. Данилевский, российский историк, один из европейски образованных людей XIX века, – и по своей фанатической религии, и по образу жизни и привычкам, и по самому свойству обитаемой ими страны – природные хищники и грабители, никогда не оставлявшие и не могущие оставить своих соседей в покое» [27; 31].

В этом заключении есть несколько ключевых моментов. Во-первых, исторические истоки этого «обыкновения»: стремления нарушить границы, напасть на соседей, «огрбить их земли, похитить их стада и увести в рабство всех, кто попадет в их руки» [28; 21]. Многие народы по разным причинам переживали время активных войн и экспансий. При этом есть народы, у которых воинственность становится неотъемлемой частью образа жизни, более того – культуры. К таким народам могут быть отнесены черкесы, жившие в суровых условиях, с юных лет постоянно тренировавшиеся, отличавшиеся храбростью в бою, физической силой, пониженным болевым порогом. Более того, они признавали военное искусство благородным, заслуживающим уважения делом. Тем не менее, если историки уже многие века восхищаются мужеством таких воинственных народов, как спартанцы или викинги, то применительно к черкесам подобные особенности упорно продолжают рассматриваться как признак особого «хищничества». Именно на фоне подобных «заклучений» утверждалась унижающее достоинство народов терминология.

Конечно, состояние «рыхлости» понятийных оснований не являет-

ся чем-то необычным. Как правило, это явление проявляется на начальных стадиях разработки новых исследовательских направлений, когда еще не сложились достаточно четкие представления о предмете и проблемных границах изучаемого объекта, что неизбежно проявляется в динамичном состоянии введенных в научный оборот терминов и понятий. Однако, используя сегодня в авторском тексте подобную терминологию (мы не имеем в виду цитирование извлечений), по-видимому, надо брать на себя труд их «вписания» в конкретный историко-ментальный, а нередко и политико-идеологический контекст.

Все более явственно осознается необходимость научной трактовки сущности закрепившейся в историографии терминологии. Становится ясно, что для решения этих задач требуется создание логически завершенной научной концепции, совершенствование методологии ис-

следования, целостного понимания перспектив развития не только профессиональной историографии, но и массового исторического сознания народов России. По-видимому, некоторым историкам нужно более глубокое понимание, что понятийно-терминологический аппарат – не эпитафия на забытых могилах, а развивающееся явление, заслуживающее соотнесения во времени и пространстве.

Нельзя исключать и того, что современный историк, по сравнению с современниками описываемых событий, находится в более выгодном положении: он знает, что произошло «потом», имеет возможность дать более осознанную интерпретацию. В этом смысле он способен выделить компоненты, действительно имевшие место в прошлом или по разным соображениям «приписываемые» изучаемым явлениям, приобретающим травматический характер.

Примечания:

1. Герц К. Интерпретация культур. М., 2004.
2. Арутюнова Н.Д. Образ, метафора, символ в контексте жизни и культуры // *Res philologica*. Филологические исследования. М.; Л., 1990; Лотман Ю.М. Символ в системе культуры // Лотман Ю.М. Избранные статьи: в 3 т. Т. 1. Таллин, 1992; Лосев А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии. М., 1993.
3. Йейтс Ф. Искусство памяти. СПб, 1997. С. 2–26.
4. Живописная Россия. Т. IX. Кавказ. СПб; М., 1883. С. II.
5. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1908. Вып. 38.
6. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1891. Вып. 12.
7. Нарты. М., 1951.
8. Хан-Гирей. Черкесские предания // Хан-Гирей. Избранные произведения. Нальчик, 1989.
9. Кавказ и Дон в произведениях античных авторов. Ростов н/Д, 1990.
10. Антропологический тип, исторически сложившийся комплекс наследственно устойчивых признаков физического строения, который характеризует группы людей на определенной территории.
11. Гегель. Философия духа. М., 1956.
12. Ольшевский М.Я. Кавказ с 1841 по 1866 г. СПб, 2003.
13. Гердер И. Идеи к философии человечества. М., 1971.
14. Монпере Ф.Д. де. Путешествие вокруг Кавказа // Труды института абхазской культуры. Сухум, 1937. Вып. VI.
15. Спенсер Эд. Путешествия в Черкесию. Майкоп, 1994.
16. По его утверждению, «народа, считаемого самым красивым из всех черкесских племен».

17. Спенсер Эд. Указ. соч.
18. Герц К. Интерпретация культур. М., 2004. URL: [gumer.info>bibliotek_Buks/Culture/girc/16.php](http://gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/girc/16.php); Интерпретация культур: пер. с англ. М.: РОССПЭН, 2004. 560 с.
19. Стеблицкий И. Географические заметки о восточной части Закубанского края // Кавказский календарь. 1867.
20. Фернандес-Арместо Ф. Цивилизации. М., 2009.
21. Лонгворт Дж. Год среди черкесов. Нальчик, 2002.
22. Милютин Д.А. Воспоминания. 1816–1843. М., 1997.
23. Басин Е. Другое письмо из Грузии в Тотьму. Марта 19-го дня, 1805 года, Анаур // Вестник Европы. 1805. Ч. 22. Июль № 15. С. 66–70 // Процесс инкорпорации Кавказа в Российскую империю. Извлечения из «Вестника Европы» (1802–1918 гг.) / сост. Р.А. Тлепцок, ред. Э.А. Шеуджен. М., 2010.
24. Экштут С. Алексей Ермолов // Родина. 1994. № 3–4.
25. Мариньи Т. Путешествие по Черкесии. Нальчик, 2002.
26. Тлепцок Р.А. Проблема колонизации в российской истории: диалектика понятий // Вопросы теории и методологии истории. Майкоп, 2006. № 5. С. 16–27; Его же. Проблема «имперского расширения» России в понятиях и терминах // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2010. № 3. С. 75–82.
27. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. СПб, 1995.
28. Мариньи Т. Указ. соч.

References:

1. Hertz K. Interpretation of cultures. M., 2004.
2. Arutyunova N.D. The image, a metaphore, a symbol in the context of life and culture // Res philologica. Philological studies. M., L., 1990; Lotman Yu.M. Symbol in the system of culture // Lotman Yu.M Selected articles. in 3 vol. Vol. 1. Tallinn, 1992; Losev A.F. Sketches on ancient symbolism and mythology. M., 1993, et al.
3. Yates F. The art of memory. St. Petersburg, 1997. P. 2–26.
4. Picturesque Russia. Vol. IX. Caucasus. St. Petersburg, M., 1883. P. II.
5. The collection of materials to describe places and tribes of the Caucasus. Tiflis, 1908. Ed. 38.
6. The collection of materials to describe places and tribes of the Caucasus. Tiflis, 1891. Ed. 12.
7. Narts. M., 1951.
8. Khan Giray. Circassian legends // Selected Works. Nalchik, 1989.
9. The Caucasus and Don in the works of ancient authors. Rostov-on-Don, 1990.
10. Anthropological type, historically fit together complex of genetically stable signs of physical structure that characterizes a group of people on a particular territory.
11. Hegel. The philosophy of the spirit. M., 1956.
12. Olszewski M. Ya. The Caucasus from 1841 to 1866, St-Petersburg, 2003.
13. Herder I. Ideas for the philosophy of humanity. M., 1971.
14. Monpere F.D. Travel around the Caucasus // Works of the Institute of the Abkhazian Culture. Sukhum, 1937. Ed. VI.
15. Spencer Ed. Travel to Circassia. Maikop, 1994.
16. According to him, “the people who are considered the most beautiful among all the Circassian tribes”.
17. Spencer Ed. Col. of works.
18. Hertz K. Interpretation of Cultures. Moscow, 2004 // Access Method: [gumer.info> bibliotek_Buks / Culture / girc / 16.php](http://gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/girc/16.php) Interpretation crops / Per. from English. M.: “Russian Political Encyclopedia” (ROSSPEN), 2004. P. 560.

19. Steblitsky I. Geographic notes on the eastern edge of the Trans-Kuban area// Caucasian calendar. 1867.
20. Fernandez Armesto F. Civilizations. Moscow, 2009.
21. J. Longworth. One year among the Circassians. Nalchik, 2002.
22. Milutin D.A. Memoirs. 1816–1843, Moscow, 1997.
23. Basin E. Another letter from Georgia to Totma. March 19-day, 1805, Anaur // Bulletin of Europe. Ch. 22. July 1805. №15. Pp. 66–70 // The process of incorporation of the Caucasus in the Russian Empire. Extracts from “the Bulletin of Europe” (1802–1918 gg.) / Comp. Tleptsok R.A., eds. Sheudzhen E.A. Moscow, 2010.
24. Èkshtut S., Alexey Yermolov // Homeland. 1994. № 3–4.
25. Marigny T. A journey about Cherkessia. Nalchik, 2002.
26. Tleptsok R.A. Colonization problem in Russian history: the dialectic of concepts // Questions of the theory and methodology of history. Maikop, 2006. № 5. Pp. 16–27; the same. The problem of “imperial expansion” in Russia in concepts and terms // Bulletin of the Maikop State Technological University. 2010. № 3. Pp. 75–82.
27. Danilevsky N.Ya. Russia and Europe. St. Petersburg, 1995.
28. Marigny T. Decree. Col. of works.